

ПАРИЖ (Франция)
1-10 мая 2008 г.

Я не люблю перечитывать старые книги. Идея, что в другом настроении, в другом возрасте и обстоятельствах я открою для себя нечто новое, безусловно, имеет право на существование, но ведь столько еще вовсе нечитанных произведений! Мне они гораздо интереснее, хотя шанс нарваться на дрянь весьма велик (перечитывают, все-таки, нечто заведомо приличное). То же самое и с городами и странами. Зачем ехать в третий раз в Париж, если ни разу не был в Праге или Эдинбурге?

Однако жизнь всегда оказывается богаче и разнообразнее в своих проявлениях, чем мы в состоянии планировать.

Во-первых, хотел написать "немым укором", но на самом деле, укором вполне говорящим явилась моя жена, которая в Париже до сих пор не побывала. Конечно, я сначала свозил ее в Одессу. Но после этого отказываться от Парижа стало уже совсем неудобно.

Во-вторых, в Париж на майские праздники собралась моя сестра из Канады с мужем. После нашей последней встречи в Канаде тоже уже прошло не много – не мало, а 6 лет.

Ну и, наконец, в-третьих, несмотря на изыски нашего высокоуважаемого правительства с увеличением январского отдыха за счет сокращения выходных в мае, в этом году сочетание праздничных и нерабочих дней оказалось таким, что можно себе позволить гулять десяток дней, взяв всего 4 дня отпуска.

Короче говоря, если в классической фразе говорится: "Не вижу повода не выпить", то в моем случае пришлось признать: "Не вижу повода не поехать". Тем более что на сегодняшний день процедура подготовки оказывается вполне упрощенной. Через Интернет можно заказать и гостиницу, и экскурсии, и билеты. Правда, организацию экскурсий взяла на себя сестра. В отличие от канадцев, нам требуется еще и виза, но этим занялась московская турфирма. В итоге мы через них оформили и гостиницу, и билеты.

С билетами получилось так. Я уже неоднократно живописал наши тонкие взаимоотношения с авиакомпанией Air France. Но лететь в Париж с их помощью выглядело вполне естественно. Каково же было наше удивление, когда в турфирме, поинтересовавшись нашими билетами, заявили: "Вы что, с ума сошли! Это же рейс Air France! Всего через полчаса есть рейс Аэрофлота. Зачем Вам эти приключения?" Все-таки, наше мнение оказалось не совсем субъективно! Мы легко согласились на переоформление. Благо этот поступок вполне соответствовал патриотическому призыву: "Поддержим отечественного производителя!"

Наш Аэрофлот – это тоже далеко не подарок, но все прошло вполне благополучно. Мы сильно опасались, что на майские праздники в Париж (очевидно, чтобы увидеть его и в соответствии с известной пословицей спокойно умереть) направляются просто толпы россиян. Как следствие, мы ждали подвоха в виде каких-нибудь

задвоенных билетов или просто отсутствия свободных мест. В качестве превентивной меры мы даже поехали в аэропорт на пару часов заранее (это еще и неплохая форма предупреждения автомобильных пробок). Но, как я уже написал, все вполне обошлось.

Последний раз в Париже я был шесть лет тому назад. А до этого – еще на шесть лет раньше. Хороший ровный интервал для научного анализа! Но в аэропорту Шарля де Голля мы были всего год назад (пересаживались по дороге в Рио-де-Жанейро и на обратном пути из Сантьяго и Сан-Паулу). Тогда французские воздушные ворота произвели впечатление обшарпанной калитки. Казалось бы, что может измениться за столь короткое время? Удивительно, но от старого аэропорта практически ничего не осталось! Старые трапы сменили уже обычные для всего мира рукава. Вместо с трудом ковыляющих между терминалами автобусов пустили скоростные поезда. Появилось множество травеллаторов, эскалаторов, лифтов и других вполне цивилизованных удобств.

Интересно, что разница между Парижем 12-летней давности и Парижем 6-летней давности практически отсутствовала. Никаких особых перемен не ждал я и теперь. Удивительно, но город изменился почти также разительно, как и аэропорт.

Основное, самое мое стойкое внешнее впечатление от "прошлого" Парижа – это потрясающая загаженность. С одной стороны, там очевидно очень неплохо кормили собак. По крайней мере, следы их жизнедеятельности присутствовали повсюду. Не вляпаться было весьма трудновыполнимой задачей. Люди же питались, может, не так обильно, но зато неплохо утоляли жажду. Как следствие, устойчивый запах мочи – визитная карточка парижского метро. Так же мне очень нравилась система уборки улиц: вдоль тротуара пускалась струя воды, которая, наверное, должна была смыть мусор, валяющийся на дороге.

Каково же было мое удивление, когда оказалось, что по тротуарам теперь можно ходить без опаски, а мочой в метро воняет только по углам! Что французы сделали с собаками – непонятно (изменили корма?), а вот с людьми, мне кажется, разгадка в том, что появилось множество возможностей посетить бесплатные туалеты. Платные будки стоят по-прежнему, но можно вполне легально зайти в любое кафе или магазин и не прибегать к услугам соседнего подземного перехода.

Обидно, но с улиц исчез не только мусор, но и ряд милых мелочей, придававших улицам Парижа определенное очарование. Ни на Елисейских полях, ни в парке Тюильри, ни в Люксембургском саду не видно мужчин, играющих в малопонятную для меня игру в шары. В кафе не сидят ухоженные старушки с собачками, мило щебечущие за чашечкой кофе. Не видно даже клерков, зашедших позавтракать и почитать утреннюю газету.

Несколько померк и колорит иного рода. Так получилось, что во время моих посещений Парижа я каждый раз оказывался в еврейском квартале Марэ. Первый раз – случайно, второй раз – проходя мимо, а в этот раз – целенаправленно, так как друзья моей сестры, тоже приехавшие на нашу "сходку" (из Германии), очень хотели посмотреть, что это такое. Раньше ты действительно окунался в атмосферу жизни ортодоксов, где мужчины ходят в черных сюртуках и шляпах, женщины – в париках, а многочисленные детишки бегают с курчавыми пейсами. Сегодня их практически никого не видно, но зато процветает бойкая торговля всякой всячиной: от съест-

ного до ювелирных изделий. А вокруг толпы туристов. Справедливости ради надо отметить, что здесь и раньше были неплохие кондитерские. Но сейчас это превратилось как бы в самоцель. Национальный колорит остался только в рецептуре действительно изумительно вкусных булочек, пирожных, бубликов и прочая, прочая, прочая.

Надо сказать, что обилие пирожных, шоколада, мороженого и иных "излишеств" – характерная черта нынешнего Парижа. Раньше я как-то этого в таком количестве не замечал. К концу нашего пребывания я плюнул на все и перестал сдерживаться. Выбор и вкус – замечательные!

Возможно, истинный парижский шарм блекнет под натиском многочисленных туристов. Но, с другой стороны, этого хватало и раньше. На майские праздники, когда в России длинные выходные, Париж превращается в абсолютно русский город. Сестра постоянно повторяла: "Не пойму, куда я приехала: во Францию или Россию?".

Однако имеется ряд признаков, демонстрирующих, что "русское влияние" оказывается на французскую столицу не урывками, а постоянно (не только на праздники). Прошло почти 30 лет с того момента, когда Высоцкий спел:

*Растет наше проникновенье по планете
Особенно заметно вдалеке:
В общественном парижском туалете
Есть надписи на русском языке!*

Тогда это воспринималось как маловероятный анекдот. Теперь же русскоязычное меню есть практически во всех ресторанах. Его можно, конечно, доставать только в случае необходимости. Но вот вывески и объявления (на магазинах, пунктах обмена валют и т.п.) вряд ли будешь регулярно перекрашивать. Во многих местах мы сталкивались с русскоязычными служащими (от лифтера на Эйфелевой башне до сотрудников в разнообразных учреждениях). Интересно, что продавцы в солидных бутиках рассказывали, что знание русского языка было одним из обязательных требований при их найме на работу.

Кстати, вот уж чего я совсем не ожидал, так это широкодоступной возможности обмена рублей на евро. Когда-то в XIX веке Салтыков-Щедрин писал, что сейчас за рубль в Европе дают ерунду, а скоро будут давать по морде. Мои прошлые поездки в Европу пришлись как раз на то славное время, когда уже даже не надо было беречь морду, так как никому и в голову не приходило этот рубль кому-то предлагать. И вот, к моему огромному удивлению пошел обратный процесс! Курс обмена, правда, как правило, довольно сомнительный, но сам факт меня поразил.

В мои прошлые приезды Франция славилась весьма снобистским отношением ко всем иноязычным говорам. Даже в Париже могли запросто не реагировать на вопросы на английском языке. Сейчас же никаких проблем нет. Приятели, приехавшие из Германии, и, в силу своего географического положения бывающие во Франции гораздо чаще нас, тоже отмечали, что в последнее время парижане стали гораздо спокойнее реагировать на иностранцев и нормально заговорили на английском, а то и на немецком.

Единственным островком "нетронутого французского", как ни странно, остается самое посещаемое иностранцами место – Лувр. Все подписи к экспонатам даются исключительно на французском языке! Конечно, разобрать фамилию автора еще можно, но вот с названием, а тем более с комментариями – просто беда!

В прошлые свои приезды я сформулировал свое отношение к Лувру как к самому грандиозному по коллекции и бестолковости музею в мире. Очевидно, исходя из того, что турист забежит в Лувр максимум на часок, вся организация посещения направлена на осмотр основных "хитов" экспозиции: "Джоконда", "Венера Милосская" (в Лувре, кстати, ее более корректно называют не Венерой, а Афродитой, так как Милос – город не римский, а греческий), "Ника Самофракийская". Со всех углов музея по специальным указателям можно легко попасть к нужному шедевру. Чтобы сориентироваться по остальным экспонатам надо очень крепко подпоясаться. Например: картины в залах представлены не по художникам, а по... размерам! Когда служитель объяснял мне, что картины Николя Пуссена малого формата находятся в одном конце музея, а большого – в другом, я был уверен, что просто мой английский недостаточно хорош, чтобы вникнуть в тонкости его объяснения. Не буду хвалиться своим знанием иностранных языков, но, как ни странно, понял я все правильно. Такова "концепция" экспозиции. О чем, естественно, нигде не написано. Вернее, может быть, и написано, но только на французском. Никаких надписей (кроме указателей к вышеперечисленным "хитам") на других языках (даже на общепризнанном английском), как я уже отмечал, нет. Распространяемые схемы музея описывают Лувр весьма скупо: скорее по географии, чем по художникам (Египет, Месопотамия, Западная Европа, Северная Европа и т.д.). Пожалуй, это единственное место в Париже, где не было схемы на русском языке – пришлось довольствоваться английской.

Что изменилось в Лувре со времени моего последнего посещения? Практически ничего. Почему-то из "дежурных" шедевров выпала "Ника Самофракийская". То ли мода на крылатую богиню победы прошла, то ли указатели к ней на реставрации, но факт остается фактом. Народа вокруг статуи, правда, все равно полно. Еще одна новость в том, что стекло, закрывающее "Джоконду", стало более качественным. В нем стала видна и сама картина, а не только отражающаяся толпа. Кстати, теперь в музее можно фотографировать безо всяких ограничений (даже со вспышкой). Очевидно, все уже поняли, что кадр, сделанный "мыльницей", ни при каких условиях не сможет составить конкуренции профессиональным художественным издательствам. Зато очень бросается в глаза обилие художников-копиистов. В каждом зале по одному, а то и по два. Удивило, что это не молодые студенты набивают себе руку на классиках, а вполне зрелые, а то и пожилые дяди и тети. Что это, кто это и зачем, я так и не понял.

Но вернемся к странностям луврской экспозиции. Больше всего меня поразила широко рекламируемая новация с проведением на музейных площадях авангардистских выставок-инсталляций. К сожалению, у меня вылетела фамилия художника, чья выставка проходила во время нашего приезда. Суть находки администрации в том, что Лувр – это королевский дворец, с присущим дворцам размахом. Помещения огромные, а под экспонаты можно занимать лишь стены. В залах же "больших картин" есть серьезные прогалы и на стенах тоже. Так вот, свободное пространство

решили отдать современному искусству. Между всякими Рафаэлями и Веласкесами повешены работы, мягко говоря, плохо сочетающиеся как с соседями вообще, так и с дворцовым антуражем в частности. Я вообще не сразу понял, что это и есть та выставка, афиши которой закрывают половину фасада музея и расклеены по всему городу. Возможно, франкоязычные комментарии как-то готовят посетителя к подобному обороту, но для иностранцев – это точно большой сюрприз! Однако главный сюрприз – это не авангардная живопись и скульптура, а инсталляции, собственно и призванные заполнить традиционно пустующее пространство дворцовых залов. Наибольшее впечатление на нас произвел автопортрет художника, расположенный в зале Рембрандта. Автопортрет представлял собой гигантского червя, извивающегося по всему свободному пространству обширного помещения. Венчает червя голова (автопортрет), которая с интервалом приблизительно 30 секунд очень тяжело и громко вздыхает.

Я люблю авангард и с интересом и пониманием отношусь к работам в этой области. Однако всегда меня смущал и настораживал вопрос сочетаемости как экспонатов в музее, так и архитектурных, да и иных художественных решений. На мой вкус, стеклянная модернистская пирамида (сама по себе весьма элегантная) перед королевским дворцом – такая же глупость луврской администрации, как и позолоченные стилизованные овечки (символ проводимой выставки) между Эль Греко и Рубенсом.

Я с большим уважением отношусь к Шагалу, но плафон зрительного зала Гранд-опера, расписанный мотивами белорусского еврейского местечка, подходит к пышным ложам театра, как к традиционной шагаловской курице седло.

Гораздо более органично современное искусство смотрится в экстравагантном центре национального искусства и культуры Жоржа Помпиду. Здание со всеми коммуникациями наружу изначально задумывалось в стиле "хай-тек", когда конструкция не скрыта за фасадом, а специально выставляется напоказ. Крыша здания, куда можно подняться по ползущим в наружных стеклянных трубах эскалаторам, представляет собой замечательную площадку для любования центром города. Особенно хорошо смотрится расположенный рядом Форум Центрального рынка – место, где находилось так называемое "Чрево Парижа", описанное Эмилем Золя. Несмотря на разницу в высоте, вид от центра Помпиду немногим уступает виду с Эйфелевой башни, которая расположена в стороне от центра.

Надо сказать, что архитектурный термин "загрязнение пейзажа", считавшийся ранее узко специальным, к сожалению, все более широко входит в нашу жизнь. Французы худо-бедно стараются за этим следить. Надо отдать должное архитекторам, что, несмотря на внушительные размеры комплекса Помпиду, он довольно удачно скрывается и практически не портит классический Париж. К торчащей железке Эйфеля все привыкли, но я прекрасно понимаю негодование парижан, впервые столкнувшихся с подобной добавкой к традиционным городским видам. В Москве сейчас стали много говорить о такого рода проблемах, но, к сожалению, пока очень мало делать. Я никогда не думал, что строительство даже одного по-дурацки торчащего дома может легко разрушить годами складывающуюся панораму. К сожалению, таких примеров все больше и больше. Причем, это тот случай, когда вопреки известной поговорке построить легко, а сломать – очень трудно.

Но вернемся к Парижу, музеям и выставкам. В центре Помпиду я оказался впервые. Раньше только гулял рядом. На этот раз мы тоже решили, что внутрь не пойдем, так как стоять в гигантской очереди нет ни сил, ни времени. Однако выяснилось, что очередь не в музей, а в библиотеку! Почему так – загадочно. То ли был бесплатный вход для студентов, то ли еще какая льгота, но лом был страшный. В условиях доступа ко всем современным библиотекам через Интернет это тем более непонятно.

Можно говорить о любви или о нелюбви к современному искусству в разных его проявлениях, но организация показа в центре Помпиду, на мой взгляд, находится весьма на достойном уровне. Все очень логично скомпоновано и представлено. Да и коллекция показалась мне интересной.

Воодушевленный увиденным, я потащил всю нашу компанию в парижский музей Пикассо. Я уже пытался его посетить в свой прошлый приезд, но поспел только к закрытию (в тот раз ни одна собака не могла мне сносно на английском объяснить, как к нему пройти, поэтому пришлось поплутать). В этот раз мы выбрали заранее, тщательно изучив карту. Надо сказать, что в Москве Пикассо представлен только ранними работами ("голубой" и "розовый" периоды), а серьезных картин "настоящего" Пикассо практически нет. Потрясающую коллекцию Пикассо я видел в Нью-Йорке, где как раз "голубой" и "розовый" период отсутствует. Здесь я надеялся увидеть полную "творческую картину". Мою надежду подогревало и то, что немецким путеводителем "Полиглот" музей Пикассо оценен в ***. Подобного в Париже удостоился только Лувр. Даже Д'Орсэ имеет только **.

Чем руководствовались авторы "Полиглота" сказать трудно, но степени своего разочарования я смело выставил ***. Коллекция достаточно слабая, представлена странно, никакого, а тем более целостного, представления о Пикассо не дает. В итоге моя возмущенная супруга добилась права не ходить в музей Д'Орсэ (в знак моральной компенсации), благо она не любит импрессионистов. Даже мои подколки насчет того, что импрессионистов не любили только 2 человека: она и Гитлер, после музея Пикассо были бессильны.

Как и во всех музеях, в музее Пикассо посетители на выходе попадают в сувенирный магазин. Несколько художественных альбомов не смогли изменить общего настроения. Но тут мне на глаза попала замечательно иллюстрированная детская книжка. Иллюстрации были настолько натуральны и красноречивы, что французские комментарии к рисункам, которые мне перевел впоследствии наш гид, ничуть не дополняли удивительную историю, столь подробно и жизненно рассказанную художником. История мила и поучительна. Поскольку я не могу привести здесь сделанные с большой любовью рисунки, придется воспользоваться приземленным описанием увиденного в книжке. Сказка называется: "Про обосранного кротишку". Жил-был крот. На него кто-то накакал. Пошел кротишка искать обидчика. Всех, кого он встречал, кротишка спрашивал: "Это ты сделал?", предъявляя ему образец фекалий (ловко я подобрал синоним!?). Каждый ему отвечал: "Нет, это не я! Я делаю так!" и наваливал соответствующую кучу. Ребенок, изучивший книжку, будет полностью владеть знанием особенностей (консистенция, форма, цвет) здорового желудка как крупного, так и мелкого рогатого скота, хищников средней полосы и основных представителей домашних животных. Как говорится, книжка рекомендуется

для чтения в детских садах и санаториях! Моя сестра, во всяком случае, запаслась экземпляром для внука. Сейчас, когда Париж стал чище, подобная литература, конечно, может вызвать некоторое недоумение. Но, найди я эту сказку в свой прошлый приезд, я не на миг бы не усомнился в том, что художник для основной массы иллюстраций вдохновение черпал на улицах родного города!

Завершить тему французской живописи хочу рассказом о нашем посещении Монмартра. Этот "уголок художников" я решил показать своей супруге не просто так, а именно 1 мая, когда парижане празднуют не столько День труда, сколько День ландышей. Ароматы цветов навевают романтическое настроение. Царящий над Монмартром белоснежный собор Святого Сердца (Сакре-Кер) придает обстановке одухотворенность. Элегантные художники очаровывают своим искусством влюбленные пары.

Но все это в теории. На практике жуткие толпы представителей российской и японской глубинки затаптывают не только склоны многострадального холма, но и художников со всеми их не очень художественными поделками. Ландыши, в отличие от прежних времен, стали продавать не милыми букетиками, а в горшках (видимо и сюда дотянулась грязная лапа зеленых). Показательно, что если раньше парижские умельцы на ходу вырезали из бумаги твой профиль и уговаривали купить, то теперь только обозначают намерения и портить бумагу без денежных гарантий никто не собирается. Так как моя жена не выносит пребывания в толпе, мы, вместо романтической прогулки, были вынуждены с героическими усилиями прорываться на волю. Виноват во всем, оказался, конечно, я.

Я уже составил достаточно большой перечень того, что в Париже изменилось. Но кое-что осталось в неизменном состоянии. Например, сервис. Надо сказать, что это общая беда тех мест, где обслуживающий персонал знает, что работает с туристами, которых никогда больше не увидит, а не с местными, которых надо заинтересовать в следующем визите. Нахамить, принести не то блюдо, не в то время или не туда можно запросто, так как официант (продавец, швейцар и т.п.) абсолютно уверен, что поток посетителей, в основном состоящий из "гостей столицы", не иссякнет, что бы он не вытворял. Еще лет двадцать назад, когда хотели кого-то одернуть, подчеркнуть его завышенные требования, говорили: "Тут тебе не в Париже!" Кто бы мог подумать, что эта фраза будет у нас самой востребованной именно во время посещения французской столицы!

На передовом рубеже парижского сервиса традиционно выступают гостиницы. За все мои приезды я побывал в 5 гостиницах Парижа, имеющих разную звездность и расположенных в разных районах города. Результат неизменен: качество номеров стабильно ниже заявленного приблизительно на одну *, сервис – на две. А вот стоимость, наоборот, колеблется: где-то выше на две *, а где-то – на одну. Словом, как писал еще Ломоносов: "Открылась бездна, звезд полна; звездам числа нет, бездне – дна".

На этот раз мы поселились возле самого Лувра (то есть "из нашего окна площадь Красная видна"). Чтобы избежать традиционного французского завтрака (стакан сока с круассаном), мы специально заказали (за очень отдельные деньги) гостиницу, предоставляющую европейский шведский стол. Глядя на него, я вспоминал старую притчу о том, что когда человеку, всю жизнь строящему сарай, поручили

построить дворец, он, воодушевившись, построил гигантский сарай. Ассортимент шведского стола полностью повторял изыски утреннего приема пищи по-французски, но сока можно было налить себе несколько стаканов. Правда, потом выяснилось, что если встать пораньше, счастливому постояльцу может повезти и тогда ему достанется сваренное вкрутую яйцо! Пару раз нам это удалось!

Надо сказать, что покинули гостиницу мы тоже не совсем гладко. К моменту нашего отъезда у них остроумно сломался лифт. Тащить тяжеленный чемодан с пятого этажа по узкой аварийной лестнице я категорически отказался. Они, конечно, могли на меня плюнуть, но мы через гостиницу заказали трансфер в аэропорт. Приехавший водитель стал объясняться с заказчиком, то есть с администрацией гостиницы, а не со мной. Я же стоял рядом и говорил, что готов ехать сию секунду, но мои вещи никак не доставят. В результате сотрудники отеля дали слабину и притащили мой чемодан вниз. После всего они еще удивлялись, почему я водителю, принявшему вещи уже внизу, чаевые дал, а им – нет.

К счастью, Париж проявил неизменность не только в ненавязчивом сервисе, но и в целом ряде других моментов, гораздо более важных и приятных. По-прежнему в городе на майские праздники цветут изумительной красоты каштаны. Причем, не только белые, как у нас, но и красные. Вообще, очень много цветов – от общеизвестных тюльпанов, до разнообразной экзотики. В садах и парках (Тюильри, Люксембургском) много отдыхающей публики: детишки, влюбленные, пенсионеры. Есть и бомжи (клошары), но отсутствие привычной нам ядреной вониюности делает их какими-то малозаметными и невыразительными.

Неизменное удовольствие доставила прогулка по Сене (на кораблике под знаменитыми мостами) и вдоль Сены (пешком по набережным). У меня уже даже выработался традиционный маршрут от Эйфелевой башни до конца острова Сен-Луи. В Китае почитается классический пейзаж: "Горы и воды". Городской вариант этой классики "Дворцы и воды" представлен в Париже во всем его разнообразии. А сочетание цветочных лавок и многочисленных лавок букинистов "под старину" с прокатными пунктами современных велосипедов придает городу уникальный, присущий только Парижу шарм.

Даже в третий приезд в Париже нашлось то, что мне не удалось посмотреть ранее. На этот раз, например, у меня было элементарно больше свободного времени, чтобы просто погулять по городу. При этом удалось сочетать места традиционно туристские (Латинский квартал, остров Сите, Эйфелева башня, знаменитые площади и многочисленные бульвары), так и небольшие тихие улочки в глубине жилых кварталов. Но неожиданно большое впечатление на меня произвел район Елисейских полей. Точнее говоря, район Елисейского дворца – многочисленные резиденции министров и президента. Удивительно, насколько красиво и интеллигентно все оборудовано. Полиция, конечно, есть, но нет ни такой помпезности вокруг, как в Москве или Вашингтоне, ни таких суровых оцеплений, как в Лондоне. Особняки больше напоминают посольства, окруженные симпатичными садиками, чем чиновничьи офисы. За все время мы лишь один раз увидели легкий ажиотаж с небольшим изменением типовой схемы движения транспорта, когда в День Победы (8 мая) президент возлагал венок памяти погибших.

Впервые я побывал в так называемом районе небоскребов Дефанс. Не то что-

бы он находится далеко, но, во всяком случае, в стороне от исторического центра города. Я уже писал о проблеме "загрязнения пейзажа" в городах с богатой историей. Тут, надо сказать, парижане поступили максимально корректно. Ведь даже весьма интересные архитектурные решения, используемые в Дефансе, выглядели бы совершенно не к месту рядом с Вандомской колонной или Нотр-Дамом. Кстати, Дефанс произвел на меня впечатление скорее занятой выставки архитектурных изысков, чем целостного городского района. Хотя еще в 50-е годы он считался самостоятельным городом-спутником Парижа. Интересно, что даже разросшийся современный Париж – город по московским меркам достаточно небольшой (и по площади, и по населению – менее 2,5 миллионов человек). Внушительным является так называемый "большой Париж", но это аналог объединения Москвы с Московской областью. О таком объединении сейчас стали активно поговаривать. Если подобное произойдет, даже "большой Париж" будет очень мелко смотреться!

Моя первая поездка за рубеж (еще при советской власти) была в Венгрию. Тогда тайком от всех (комсомолец – в вертеп разврата!) я пошел (за сумасшедшие по тем временам деньги) в ресторан "Максим", который анонсировался как полный аналог парижского. Пожалуй, это было одно из самых сильных впечатлений от поездки. Произвела впечатление не еда, которую я практически не заказывал, и без того потратив приличную долю лимитировано обмененной валюты за право на вход, и не богатый антураж (классические цвета "Максима" – красный с золотом), а потрясающее представление. Высококласные артисты работали либо на сцене, расположенной практически прямо перед посетителями, либо непосредственно в зале (достаточно небольшом и уютном). Удивительная техническая оснащенность (фантастическая подсветка, движение сцены) в сочетании с высоким мастерством актеров меня просто поразили. Дело не только в том, что все девочки поднимали ноги одновременно и на одну и ту же высоту. А в том, что была создана очень теплая, я бы даже сказал домашняя атмосфера общения с публикой. Я до сих пор помню фокусника, показывающего парящую в воздухе девушку на расстоянии вытянутой руки от меня (искренне не понимаю: на чем она лежала?). Или жонглера, крутящего тарелки, взятые непосредственно с нашего столика. Высокий уровень эротичности представления был весьма обоснован и продуман. Скажем, девушки, исполняющие греческий танец с амфорами, одетые в легкие туники, с обнаженной грудью выглядели вполне естественно и не нарочито. Вальс же исполнять обнаженными никому в голову не приходило.

Все это я рассказал про будапештский "Максим", чтобы было понятно, почему я тянул всех сходить в "Максим" парижский. Мне было интересно сравнить впечатления. То ли это было нечто, просто поразившее меня новизной восприятия, то ли действительно уровень представления был достоин восхищения. Однако с посещением Максима вышла накладка, так для меня окончательно и не понятная. Началось с того, что наш гид меня сильно удивил, сказав, что "Максим" давно вышел из моды. Когда мы все-таки пришли, двери ресторана оказались заперты. Как мы не напевали знаменитую арию "Иду к "Максиму" я, там ждут меня друзья", никого из персонала обнаружить не удалось. Но общее ощущение было таково, что "Максим" не закрыт, а просто заперт в связи с каким-то "спец. обслуживанием". Мне так показалось, что проблема в том, что надо было заказать посещение заранее. Однако это

противоречит тезису гида о непопулярности данного заведения.

Рядом с "Максимом" (по-французски "Maxim's") находится оформленный в подобном же стиле ресторан "Minim's". Опять-таки, я не очень понял, насколько он связан с настоящим "большим" "Максимом". Но от безысходности мы пошли туда. Фактически это обычный ресторан с неплохим меню и обслуживанием, но никакой программы там не было и в помине. Так что все ограничилось обыкновенной обжираловкой, а мой интерес так и остался неудовлетворенным.

Раз не удалось с "Максимом", мы собрались посетить "Мулен Руж", вокруг которого я много гулял в свое время, но внутрь так ни разу и не попал. Скажу сразу, что, как выяснилось, и правильно делал. Все то, что меня поразило в "Максиме" (для корректности надо оговориться: в будапештском "Максиме") было здесь откровенно поругано и опошлено. Это как сравнение визита на званый бал и в Макдоналдс. С таким откровенным фастфудом я давно не сталкивался.

Огромные потоки людей, стоящие в длиннющей очереди перед началом, по команде охранников чуть ли не бегом устремляются в гигантский зал, скорее напоминающий ангар-накопитель, чем зал ресторана или хотя бы театра. Забавно, что публика попадает и в бальных платьях, и в шортах с сандалиями на босу ногу. Вся эта вавилонская толпа в аварийном порядке рассаживается за столики. Свет выключается практически сразу, и представление начинается, не успели вы придти в себя и что-то заказать. Официанты удивительно ловко пользуются небольшими фонариками, которые они вставляют себе... (не подумайте плохого!) в рот. Заказ – понятие символическое. В билет входит бутылка шампанского на двоих. Странная идея и странная норма. Теоретически можно договориться о замене, например, на сок. Но на практике договоренность с тобой официант успеваешь забыть буквально через секунду. Шампанское у них на потоке, а, как я уже писал, заинтересованности во мне у них нет ни на копейку, ни на евроцент. Как говорится: "Котлеты – с пюре, тефтели – с рисом. Менять нельзя!"

Само шоу совершенно не подразумевает никакого общения со зрителями. Разве что один "чревоушитель" пытался поговорить с кем-то из публики (естественно, нарвался на какую-то девицу из Омска). Даже ближайšie к сцене столики находятся на весьма почтенном расстоянии. Основная же масса смотрит на представление почти как на футбольный матч с верхнего яруса стадионных трибун. Само представление – это классический эстрадный концерт-сборник, идущий в режиме "нон-стоп", даже без конферансье. Просто по очереди выбегают новые артисты. Кстати, в том числе и с русскими плясовыми номерами. К качеству исполнения никаких претензий нет, но все это совершенно банально и неинтересно. Ни малейшего намека на французский колорит, стилистику времен Тулуз-Лотрека нет и в помине.

Традиционная программа посещения Парижа включает в себя и поездки по пригородам. Так как времени у нас было побольше обычного, мы еще решили потратить день на посещение замков Луары. Я, надо сказать, их уже видел, но не во время пребывания в Париже, а когда пересекал Францию по дороге из Испании в Германию. Замков в принципе много, так что я искренне рассчитывал на расширение собственного кругозора. Напрасно! Туризм – это индустрия, а индустрия – это поток и стандартизация. Другое дело, что замки, а, главное, окружающие их пейзажи, весьма красивы и ничуть не теряют при повторном осмотре. Но, все-таки, не-

большая капля разочарования была.

Поломать стандарты удалось во время нашей второй загородной поездки. Индивидуальный гид в этом смысле обеспечивает качественно иной уровень обслуживания по сравнению с групповым мероприятием.

Так как остальные в нашей компании приехали в Париж впервые, и им было все равно, я уговорил всех поехать не в виденный мною ранее Версаль, а в Фонтенбло. Этот дворец гораздо менее популярен, хотя и с исторической, и с архитектурной, и с художественной точек зрения он более чем конкурентоспособен.

Версаль традиционно сравнивают с Петергофом. Если забыть о том, что Петергоф создавался гораздо позже (во многом по образу и подобию Версаля), Петергоф, конечно, красивее. Замечательный ансамбль Фонтенбло я бы сравнил с нашим Павловском. И там, и там важную роль, на мой вкус, играет парковый комплекс. Хотя рассказы нашего гида о дворце и связанной с ним французской истории были очень интересны. Очень любопытно он рассказывал и о коллекции живописи, и о скульптуре, и об исторических раритетах, хранящихся в Фонтенбло.

Кстати, совершенно случайно у входа в дворцовый комплекс мы столкнулись с раритетами несколько иного рода. Как раз начался парад старинных автомобилей. Зрелище забавное и поучительное. Прошло всего несколько десятков лет, а какой огромный путь преодолело (так и хочется сказать: проехало!) автомобилестроение!

Продолжу автомобильную тему. Я всегда всех убеждал в том, что путешествовать по стране надо если не пешком (что несколько медленно и, следовательно, не очень эффективно), то на автомобиле (автобусе). Только так можно увидеть собственное лицо страны. Все-таки, города (в первую очередь, крупные города) – это не страна, а некоторая вывеска, витрина. В этом смысле даже такие небольшие по дальности поездки по пригородам Парижа, как выезд в Фонтенбло или в долину Луары (Шенонсо, Амбуаз) – замечательная возможность познакомиться с настоящей Францией. Поездка с индивидуальным гидом существенно расширяет возможности подобного знакомства.

На обратном пути из Фонтенбло гид решил показать нам старинные городки региона Иль-де-Франс, окружающего Париж. Наиболее яркие впечатления оставили Маре-сюр-Люан (в нем жил и работал Альфред Сислей) и Барбизон, давший имя целой школе живописцев – предшественников импрессионизма. Показательно, что представители барбизонской школы были в основном пейзажистами. Городки и их окрестности – просто замечательные! Удивительно, что российские небольшие города, на мой взгляд, гораздо большая деревня и провинция, чем собственно сельские поселения. А вот европейские городки – это именно настоящие города, какими бы крохотными они не были. С собственной гордой мэрией, отелем и кафе (именно кафе, а то и рестораном, а не столовой или чайной, как у нас). Зачастую кухня и обслуживание исключительно домашние, в лучшем смысле этого слова.

По дороге случайно зашел разговор о кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. У нас много говорили об этом месте в связи с тем, что, то ли Правительство России, то ли лично Путин выделили средства на содержание могил русских знаменитостей. В разговоре выяснилось, что хотя кладбище и считается преимущественно русским и православным, там есть могилы представителей других конфессий. Русских в этом месте вообще стали хоронить только после 1929 года. Да и далеко не все там знаме-

нитости. В частности, оказалось, что в Сент-Женевьев-де-Буа похоронена тетка нашего гида. Но уж чего я совсем не ожидал, что мы совсем недалеко от кладбища и легко можем туда заехать!

Как-то так все выстроилось в моем сознании, что выделенные деньги призваны были спасти старый и заброшенный, ненужный французам погост с останками русского белого войска, духовенства, а также писателей, художников и артистов, оказавшихся в Париже с первой волной послереволюционной эмиграции. Каково же было мое удивление, когда выяснилось, что по размаху и шику этот "заброшенный погост" легко даст фору и Новодевичке, и Александро-Невской лавре. Дело оказывается в том, что французы, как и все западноевропейцы, весьма прагматично подходят к проблеме захоронения. Считается, что через определенный срок (лет через 20-30) могилу, как правило, перестают регулярно посещать. Поэтому могилу можно "закрыть", а на ее месте организовать новую. Нашему gidу предлагали весьма хорошую сумму за разрешение перезахоронить тетку (предварительно кремировав останки), чтобы освободить место. Он отказался, но многие соглашались. Внесенная Россией сумма как бы пролонгировала договор на владение землей под могилами соотечественников.

Ну и, наконец, один день в Париже мы посвятили не культурной программе, а "занятиям по интересам". Супруга, естественно, выбрала шопинг, а я окунулся в парижскую нумизматическую жизнь. Не обошлось без небольшого казуса. Но, как говорится, нет худа без добра.

Интернет, как всемирная помойка, содержит в себе все. В том числе и адреса нумизматических "тусовок" по всем городам и весям. У меня даже была некоторая рекомендация, как найти нужную улицу. Опорной точкой был Лувр и Биржа, мимо которой надо пройти. Я все строго выполнил, но искомого адреса не обнаружил. Повторный заход и опросы аборигенов тоже особого успеха не принесли. Разгадка обнаружилась совершенно случайно. Кто бы мог подумать, что в Париже две биржи? Когда-то по работе нам надо было найти некоторую фирму. Нам дали подробное описание маршрута, начинающееся от дома с лозунгом "Слава труду!" Долгий поход от этого дома (строго в соответствии с описанием) ни к чему не привел. Впоследствии выяснилось, что там есть еще одна "Слава труду!". Зато район мы изучили в деталях! Так и в Париже. Монеты монетами, а вот от неплановых прогулок по "нетуристскому" городу удалось получить большое удовольствие.

Интересно, что в Париже нумизматические магазины занимают почти две улицы. Как это произошло исторически – непонятно, но факт остается фактом. Рядом друг с другом сосуществует целая команда продавцов, специализирующаяся на достаточно экзотическом для основной массы населения товаре. Причем, это не развал и не рынок, а нормальные магазины (с арендой приличных помещений, офисов и т.п.). Диапазон предложений: от ерунды, продаваемой на вес по килограммам, до антикварных изделий из драгоценных металлов.

Я начал свой рассказ о поездке с аналогии с перечитываемыми книгами. Этим же хочу и закончить. Чем отличается великая книга от обычной? Тем, что в великой книге каждый может найти для себя нечто близкое. Именно каждый, независимо от пола, возраста, интересов и образования. Тоже и с городами. Париж именно таков, неизменно остающийся "праздником, который всегда с тобой".